

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

№ 3

М А Р Т

1956 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «П Р А В Д А»

МОСКВА

освободительным движениям. Так, одной из основных причин поражения польского восстания 1863 г. было неумение или нежелание руководителей движения решительно порвать с феодалами и отстаивать социальные интересы крестьянства. Это не мешает нам рассматривать польское восстание как национально-освободительное. Разве можно на основании того, что Шамиль не осуществил коренных демократических преобразований, считать движение горцев не национально-освободительным, а реакционным? Интересы горцев совпадали с интересами русских трудящихся. У них был общий враг — царизм.

Утверждения о реакционности движения горцев за независимость под руководством Шамиля противоречат фактам. Эти утверждения выражают великодержавные установки, не способствующие укреплению дружбы между народами. Нужно покончить с фальсификацией истории движения кавказских горцев.

ОТ РЕДАКЦИИ. В № 6 за 1955 г., в разделе «Дискуссии и обсуждения», редакция поместила статью А. В. Фадеева «О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке». На конференции читателей журнала в конце января 1956 г. и в письмах читателей был поднят вопрос о характере движения кавказских горцев в первой половине XIX века. Прогрессивность последствий присоединения народов Кавказа к России очевидна. Однако было бы неправильным, исходя из этого, характеризовать национальные движения как движения реакционные, как это делали некоторые авторы; каждое такое движение нужно рассматривать конкретно-исторически.

Помещая статью А. М. Пикмана, редакция призывает историков к конкретно-исторической разработке истории движения горцев и других национальных движений на страницах нашего журнала.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ XVIII—XIX веков

О. Д. Чехович

В изучении истории Средней Азии феодального периода до сих пор существует, как нам кажется, некоторая диспропорция: если время с VIII до XV в. сравнительно хорошо (хотя и односторонне) освещено трудами В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского и других историков, то период после XVI в., несмотря на ряд ценных работ П. П. Иванова и А. А. Семенова, все еще остается недостаточно изученным.

Общезвестно, что в момент присоединения к России среднеазиатские ханства представляли собой отсталые в хозяйственном и культурном отношении феодальные деспотии. Общественное развитие среднеазиатских народов протекало такими медленными темпами, что на первый взгляд не отмечается никакого прогресса вообще. Это впечатление может возникнуть, однако, лишь в случае незнания с местными историческими хрониками и актами, а отчасти и по причине идеализации так называемой «эпохи Тимура и Тимуридов», которая долгое время изображалась как период расцвета, хотя на самом деле в XIV—XV вв. хозяйство развивалось, повидимому, не быстрее и положение трудящихся масс было не лучше, чем в XIX веке.

Источники XVI—XIX вв. показывают, что сдвиги в области феодальных отношений и земельной собственности, экономики и культуры все же происходили и за последние столетия. Для XVI—XVII вв. они отмечены в нашей статье «К вопросу о периодизации истории Узбекистана»¹.

В настоящей статье мы хотим проследить общественное развитие Средней Азии конца XVIII — начала XIX в. и определить характер происходивших изменений, для того чтобы выяснить, на каком этапе феодализма шло это развитие, какова была степень действительной отсталости Средней Азии.

Напечатанная в журнале «Вопросы истории» статья И. С. Брагинского, С. Рад-

¹ О. Д. Чехович. К вопросу о периодизации истории Узбекистана. «Известия» Академии наук Узбекской ССР. 1954, № 5.

жабова и В. А. Ромодина «К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России»², хорошо осветившая прогрессивные последствия этого присоединения, вызывает возражения в той части, где затрагиваются интересующие нас вопросы по истории Средней Азии до середины XIX века. Авторы этой статьи утверждают, что ко времени присоединения к России «феодалная раздробленность Средней Азии и междоусобия, сопровождавшиеся хищническим разрушением производительных сил, не уменьшались по сравнению с XVIII в., как ошибочно полагают некоторые историки, а в ряде случаев даже увеличивались...»³. В доказательство авторы статьи указывают, что против одного только города Ура-Тюбе было совершено 15 походов кокандского Алим-хана и что Насрулла-хан Мангит за 20 лет предпринял 32 похода против Шахрисябза. При этом игнорируется, что все эти походы предпринимались не для раздробления, а, наоборот, с целью консолидации феодальных ханств. Хотя ни один из ханов не сумел объединить всю Среднюю Азию, все же степень централизации государственной власти внутри ханств к середине XIX в. была значительно выше, чем в первой половине XVIII в., когда ханы были бессильны и фактически ханства распадалась на полунезависимые феодальные владения, что крайне пагубно отражалось на их экономике и обороноспособности.

И. С. Брагинский, С. Раджабов и В. А. Ромодин считают, что концепция авторов II тома «Истории народов Узбекистана» «перекликается с буржуазно-националистической «теорией», будто присоединение к России прервало процесс подъема хозяйства в среднеазиатских ханствах»⁴.

Авторы статьи не уделили внимания анализу этой «теории», сводящейся, по существу, к идеализации феодального прошлого и к отрицанию прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России. Вместо этого И. С. Брагинский, С. Раджабов и В. А. Ромодин направили свой удар мимо основного вопроса, утверждая без всяких доказательств, что в XVIII—XIX вв. никакого развития хозяйства в ханствах не наблюдалось. При этом авторы статьи впали в противоречие с собственными утверждениями о том, что торговля Средней Азии с Россией «непрерывно расширялась», что «в первой половине XIX в. в Средней Азии продолжали развиваться товарно-денежные отношения... увеличивался удельный вес денежных налогов, росла внутренняя и внешняя торговля...», происходило развитие «простого товарного хозяйства»⁵.

Если в феодальной стране происходит развитие торговли и рост товарно-денежных отношений, то можно ли говорить об отсутствии хозяйственного развития хотя бы в узких рамках феодальной формации? И почему для доказательства прогрессивности присоединения Средней Азии к России покадобилось отрицать предшествовавшее экономическое развитие среднеазиатских народов?

Присоединение к России, по нашему мнению, было глубоко прогрессивно, независимо от того, переживала ли Средняя Азия в это время экономический застой или развитие. Известно, что Средняя Азия XIX в. была отсталой страной и развитие ее совершалось в рамках феодального строя, тогда как Россия в конце XIX в. далеко ушла по пути капиталистического развития и, что самое важное, имела наиболее революционные перспективы среди всех стран мира.

И. С. Брагинский, С. Раджабов и В. А. Ромодин ставят прогрессивность присоединения в зависимость от предшествующего развития в ханствах, чем запутывают вопрос и снижают значение этого прогрессивного явления. Говоря о социально-экономическом развитии Средней Азии в конце XVIII — начале XIX в., авторы статьи игнорируют те факты, которые идут вразрез с их концепцией.

Правильно указывая, что господство феодальной собственности на землю являлось важнейшим моментом, определяющим характер социально-экономических отношений в среднеазиатских ханствах, И. С. Брагинский, С. Раджабов и В. А. Ромодин подчеркивают неизменность форм феодального землевладения с XVI в. и даже еще более ранних времен⁶. Однако знакомство с поземельными актами, часть которых опубли-

² «Вопросы истории». 1953, № 8, стр. 21—40.

³ Там же, стр. 25.

⁴ Там же, стр. 26.

⁵ Там же, стр. 24.

⁶ Там же, стр. 25.

ликована нами в 1954 г.⁷, позволяет установить, что именно в это время в аграрных отношениях произошли серьезные изменения: в XVI—XVIII вв. значительные массивы государственных земель перешли в собственность крупных феодалов. В связи с этим усилилась крепостная зависимость и эксплуатация крестьян феодалами.

О политическом и экономическом состоянии ханств в XVIII и начале XIX в. дают представление исторические хроники «Убайдулло-нома» Мир Мухаммед Амина Бухари, «Тарихи Абулфайз хан» Абдуррахмана Толи, «Тухфаи хони» Мухаммад Вафои Керминаги, «Гулшан ал-мулук» Мухаммад Я'куба, «Тодж ут-таворих» Мухаммад Шарифа, «Фирдавс ал-икбал» Муниса и Огеи, «Фатхномаи султони» Мухаммад Мир Алима, а также мемуары Абдалкарима Бухари, изданные Ch. Schefer, записки Мирзы Шемса Бухари, изданные В. В. Григорьевым, показания ташкентца Нур Мухаммада 1735 г., опубликованные А. И. Добросмысловым, и некоторые другие источники. В истории землевладения этого периода помогают разобраться сохранившиеся акты феодальной собственности на землю, ханские указы, жалованные, купчие и вакуфные грамоты.

Для характеристики состояния земледелия, ирригации, ремесла и торговли, а также условий существования трудящихся масс важным источником служат записки русских и иностранных путешественников и послов, посетивших Среднюю Азию в XVIII—XIX вв., реляции из Хивы и Бухары посла Петра I Флорио Беневени, описание Ташкента, составленное в первой половине XVIII в. Миллером, описание поездки в Хиву в 1740—1741 гг. Гладышева и Муравина, показания о Бухаре греческого купца Н. Григорьева (40-е годы XVIII в.), описание Хивы и Бухары Д. Рукавкина (1753 г.), очерк «странствования» Ф. Ефремова (70-е годы), путевые заметки врача Бланкеннагеля (1793 г.), описание путешествия Т. С. Бурнашева в Бухару (1795 г.) и его же путешествия в Ташкент в 1800 г. вместе с Пospelовым, записки Ф. Назарова 1813—1814 гг. и др. Кроме того, для XIX в. имеются обстоятельные описания ханств Н. Н. Муравьева, Н. В. Ханыкова, Г. И. Данилевского и другие.

Какая же картина общественного развития среднеазиатских ханств рисуется из критического разбора и сопоставления данных всех доступных источников?

В результате процесса феодального раздробления, которое особенно усилилось в первой половине XVIII в., территория Узбекистана была разделена между многочисленными самостоятельными и полусамостоятельными феодальными владениями. Экономической основой усиления феодальной раздробленности был происходивший в XVI—XVIII вв. рост крупного землевладения феодальной знати. Рост этот ясно прослеживается по актам купли, обеления и обращения в вакуф земель, ранее находившихся в собственности государства⁸.

Территория Бухарского ханства в 20—40-х годах XVIII в. была во много раз меньше, чем в середине XIX века. Власть бухарских ханов в это время распространялась только на ближайшие районы — Вабкент, Гиждуван, Варданзи и Каракуль, причем и они были слабо подчинены своему хану. По свидетельству жившего в 40-х годах в Бухаре Н. Григорьева, они «только от послушания Бухарского не отрекаются, а иные деньгами, когда что будет потребно, им помогают»⁹.

Обширные и богатые области Ферганы (Коканд, Наманган, Андижан и Маргелан) так же, как и Ташкент, Ходжент, Ура-Тюбе, все владения Южного Туркестана (Балх, Андхой, Шабурган и Меймене), Шахрисябз и даже Самарканд отделились от Бухарского ханства при Абулфайзе (1711—1747). В это время все перечисленные города с подчиненными им районами, по выражению современника, «состоят уже каждый сам о себе, а никому не подвержены»¹⁰.

⁷ «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве». Вып. 1. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. (на таджикском языке). Ташкент. 1954. (В дальнейшем: «Документы...»). См. рецензию в журнале «Вопросы истории». 1955, № 11, стр. 159—160.

⁸ См. «Документы...», стр. 1—189, а также неизданные купчие и вакуфные грамоты Института востоковедения АН Узбекистана, Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) Узбекистана и других хранилищ.

⁹ Показания Н. Григорьева 1752 г. См. В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр-хана (1748—1765). (В дальнейшем: Показания Н. Григорьева...). Уфа, 1853. Приложение, стр. 22.

¹⁰ Там же.

Самаркандская область с плодородной Миёнколской долиной в 1722 г. была захвачена шахрисябзским владельцем Иброхим бием кенгесом, и здесь воцарился его ставленник хан Раджаб.

Совсем иначе обстояло дело в XIX веке. Из документов эмира Хайдара (1800—1826), исследованных В. Л. Вяткиным, видно, что Бухарскому ханству уже в начале XIX в. принадлежали земли Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областей, включая Ширабад и Байсун¹¹. Другие источники, сводка которых сделана П. П. Ивановым, позволяют заключить, что под властью Бухары в это время находились Зеравшанская долина, часть Туркмении до Мургаба, часть Таджикистана (Хисор, Ходжент, Ура-Тюбе, Пянджикент) и все северные районы (Ташкент и Туркестан)¹².

На основании изучения хивинских источников Я. В. Хакыков пришел к заключению, что в XVIII в. низовье Аму-Дарьи тоже не было единым государством, а «находилось под владычеством нескольких отдельных общин, управляемых собственными старейшинами: северные общины именователно считались в зависимости от владельца Кунградского, а южные от хивинского, сменяя, впрочем, означенных владельцев по своему произволу... В 1825 г. Хивинское ханство представляло уже одно политическое целое, действительно подчиненное хивинскому владельцу»¹³. К такому же выводу приводят наблюдения Н. Н. Муравьева и местные хроники.

Фергана в XVIII в. обособилась в самостоятельное ханство под главенством Коканда, и здесь, так же как в Бухаре и Хиве, в течение конца XVIII — начала XIX в. шел процесс государственной консолидации и постепенного расширения границ, причем прежде независимые владения одно за другим завоевывались и переходили под власть Коканда.

Таким образом, если в середине XVIII в. в Средней Азии насчитывалось до десяти самостоятельных феодальных владений, то к середине XIX в. их стало лишь три—четыре.

Характер ханской власти на протяжении XVIII—XIX вв. тоже значительно изменился. Как видно из бухарских и хивинских исторических хроник, в начале XVIII в. отдельными областями Бухарского и Хивинского ханств правили родовитые эмиры, вожди тех узбекских племен, которые осели в управляемых ими местностях. Эти эмиры пользовались неограниченной властью в своих владениях, имели собственные войска и находились в вассальных отношениях с ханами. Ханы имели очень небольшие военные силы из чужеземцев и разноплеменных наемников и в военном отношении не могли обойтись без поддержки своих вассалов. Во время походов большинство войск подчинялось местным эмирам и только через них — хану. Весьма часто эмиры отказывались подчиняться ханским распоряжениям, и ханы не в силах были их заставить.

Вся политическая история царствования Убайдуллы хана бухарского, Абулфайзы хана и других среднеазиатских правителей первой половины XVIII в., как она изложена в местных хрониках, состояла в борьбе между хаками, стремившимися к централизации государства, и эмирами, отстаивавшими феодальную раздробленность. Централизаторская политика ханов диктовалась экономической необходимостью, интересами торговли, ремесленного и сельскохозяйственного производства, для развития которых требовалось прекращение феодальных междоусобиц. В первой половине XVIII в. ханы не имели еще достаточно сильной поддержки со стороны горожан, так как

¹¹ В. Л. Вяткин. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов. «Известия Средне-Азиатского отдела государственного русского географического общества». Т. XVIII. Ташкент. 1928, стр. 13.

¹² П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг. «Труды» Института востоковедения АН СССР. Т. XXVIII. М.-Л. 1937, стр. 16; «О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари», изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьева. Казань. 1861, стр. 7; «Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khokand) depuis les dernières années du règne de Nadir Chah (1153) jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818) Publiée, traduite et annotée par Charles Schefer, Texte persan». Paris. 1876, p. 52; «Гулшан ал-мулук». Соч. Мухаммад Я'куба Бухари. Рукопись Института востоковедения АН УзССР. (В дальнейшем: рки. ИВ Уз.), № 1507.

¹³ «Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями». Сост. Я. В. Ханыковым. «Записки Русского географического общества». Кн. V, СПб. 1851, стр. 280—281.

торговля и ремесленная промышленность, страдавшие от феодальной раздробленности, были еще недостаточно развиты. Когда, например, Убайдулла хан бухарский призывал самаркандских, ургутских, нуратинских, миёнколских владетелей в поход на Балх, против отложившегося Махмуда катагана, то они под разными предлогами уклонялись от этого, а заставить их хан не мог: в своих собственных крепостях и феодальных владениях, «мулках», эти эмиры были недосыгаемы. В «Убайдулло-нома» описывается, например, конфликт хана с ургутским владетелем Аллоберди бием мингом, во время которого хан, послав для его наказания 500 воинов дворцовой охраны, набранной из разных племен, не смог достичь цели, так как в своем мулке Ургуте, окруженный своими соплеменниками, мингами, Аллоберди отразил все атаки ханского отряда¹⁴. Так же безнаказанно не подчинялись ханам владетели Самарканда, Миёнкола, Карши, Нурата и других областей, не говоря уже об отдаленных краях, совершенно прекративших к середине XVIII в. даже вассальные отношения с ханами.

Борьба Убайдуллы хана за централизацию кончилась его поражением: в 1711 г. крупные феодалы убили его и посадили на бухарский престол Абулфайза, при котором вся власть оказалась в руках знатнейших эмиров. Это привело к распаду ханства на отдельные феодальные владения, неспособные оградить страну от внешних нашествий.

В 20-х годах XVIII в. в долину Зеравшана нахлынули казахи, вытесненные из Казахстана нашествием калмыцкого (джунгарского) войска Цеван Рабтана (1723 г.). Это описано в сочинениях Мухаммада Вафо¹⁵ и Мухаммада Я'куба. Последний пишет: «В течение семилетних непрерывных набегов [кочевники] разорили земледельческие районы, расположенные между Самаркандом и Бухарой. В Мавераннахре наступил такой голод, что даже человеческое мясо пошло в пищу людям; мертвых не хоронили, а съедали. Наступило полное смятение: повсюду люди, покинув родные места, разбрелись в разные стороны. В Бухаре осталось два гузара (квартала) жителей; в Самарканде ни одной живой души не осталось»¹⁶.

Посол Петра I Флорио Беневени доносил из Бухары в марте 1723 г.: «Дороги кругом залегли; токмо одна балхская дорога отчасти служит, а и тамо ныне торг весь оскудел, ибо четвертый год тому, как караваны не ходят в Индейские страны на Кабул, Лахор и прочие города; оттоле к Кабулу также не проезжают, ибо узбеки в горах сильны стали и непрестанные между собою драки имеют»¹⁷.

В связи с начавшейся в 1723 г. войной и нашествием калмыков, в Ташкенте прекратился даже выпуск денег, и жители перешли к натуральному обмену, о чем свидетельствует ташкентский житель Нур Мухаммад в 1735 году¹⁸.

В середине XVIII в. слабостью среднеазиатских ханств воспользовался правитель Персии Надир шах, в короткий срок покоривший Бухарское и Хивинское ханства.

Такова была обстановка в Средней Азии к середине XVIII столетия.

Только во второй половине XVIII в., после присоединения Казахстана к России и усиления русско-среднеазиатской торговли, поддержка богатевших от этой торговли городов дала возможность ханам новой, Мангытской, династии в Бухаре, а несколько позднее — кунгратам в Хиве и мингам в Коканде в ожесточенной борьбе одержать верх над сепаратизмом крупных феодалов.

О первом хане Мангытской династии, Мухаммад Рахиме, местные источники сообщают, что он, как и первый кунгратский хан Хивы, Илтузар, происходил не из родовитой знати, не из эмиров¹⁹. При поддержке торгово-ремесленного населения городов ему удалось покорить Нурат, Миёнкол, Ургут, Шахрисябз, Хисор и Кулоб. В дальнейшем он присоединил к Бухарскому ханству, правда, ненадолго, также Ходжент, Ташкент и Туркестан.

¹⁴ «Убайдулло-нома» (ркп. ИВ Уз.), № 1532, лл. 20—22.

¹⁵ «Тухфаи хони» (ркп. ИВ Уз.), № 16, л. 16 б.

¹⁶ «Гулшан ал-мулук» (ркп. ИВ Уз.), № 1507, л. 133 б; см. также критический текст и перевод Д. Г. Вороновского в его кандидатской диссертации «Гулшан ал-мулук», стр. 11 и 155.

¹⁷ См. А. Попов. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом СПб. 1853, стр. 144—145.

¹⁸ Показания Нур Мухаммада. См. А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент. 1912, стр. 17.

¹⁹ «Тухфаи хони» (ркп. ИВ Уз.), л. 7; Показания Н. Григорьева..., стр. 16; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л. 1927, стр. 111.

После завоевания Шахрисябза Мухаммад Рахим назначил туда своих наместников, а бывших владельцев Шахрисябза, знатных эмиров кенегесов, переселил в Бухару и сделал служилыми людьми. Автор хроники XVIII в. Мухаммад Вафо замечает, что хотя эти эмиры получали хорошее жалованье и продукты питания, тем не менее они были крайне недовольны своим новым положением²⁰.

Владелец Нурата Тугой Мурод бий буркут сдался Мухаммад Рахиму после яростного сопротивления, стоя во главе группы племен всей Миёнколской долины. Присоединение этих областей к Бухаре привело к оживлению экономической жизни. Мухаммад Рахим считал необходимым удалить бывшего владельца Нурата из его наследственного удела и взамен дал ему имение и поместье в окрестностях Бухары²¹.

Фактический преемник Мухаммад Рахима — Дониёл бий — удержался у власти благодаря помощи духовенства и горожан. В 1758 г. 10 тыс. конных и вооруженных воинов сепаратистского лагеря из племен юз, кенегес, сарай и буркут не смогли победить укрепившегося в Бухарском арке (кремле) Дониёл бия, который призвал на помощь горожан Бухары. Чтобы затруднить передвижение конницы крупных феодалов, городские ремесленники перегородили узкие улицы бревнами и напали на построенные в городе богатые дворы восставших феодалов. Уличные бои 1758 г. кончились победой горожан, и Дониёл бий смог расправиться с заговорщиками, среди которых были бывшие владельцы Шахрисябза, Хисора и Нурата.

Укрепившись в Бухаре, Дониёл бий смог дать отпор сепаратистским тенденциям самаркандского владельца Фозил бия юза и китай-кипчаков Миёнкола. Затем потребовалось совершить два похода против каршинского владельца Норбуты бия, к которому присоединились феодалы Хузора и Шахрисябза. На второй год, не выдержав длительной осады, жители города Карши убили своего феодала и отдали город Дониёл бию.

Дониёл бий подчинил Бухаре большинство окружающих владений. Ф. Ефремов, служивший в войске Дониёл бия, писал в своих воспоминаниях, что в 70-х годах XVIII в. «пришли все почти тамошние города под владение Бухарии» и что она простирается «с одной стороны, к городу Кукану до Кашгарской области, с другой — к Балху и Овгани (Афганистан), смежной с Индией, с третьей [граничит] с Персией, а с четвертой — с Мангишлакскою степью... Что же принадлежит до правления здешнего, то оное самовластно и зависит совершенно от атолика» (Дониёл бия. — О. Ч.)²².

Стремясь заручиться поддержкой горожан, ханы иногда освобождали их от некоторых феодальных налогов. Например, Шох Мурод (1785—1800) дал тарханство городу Бухаре.

Автор хроники «Фатх-номаи султони» Мухаммад Мир Алим Бухари так описывает это пожалование: «Простой народ и бедняки во время правления Дониёл бия атолика испытывали насилия и вымогательства со стороны служилых (сипохиен), собиравших разного рода налоги (олук и солук)... В связи с этим (Шох Мурод) указом освободил жителей города Бухары от налогов, выдав им тарханную грамоту»²³.

Шох Мурод, как и другие ханы, выражал интересы той группы класса феодалов, которая стремилась эксплуатировать крестьян и ремесленников в условиях централизованного государства. Они боролись против сепаратизма своих вассалов, присоединяя ранее независимые владения чаще всего силой, но в некоторых случаях — путем покупки, обмена и т. п. Как это происходило, видно, например, из письма эмира Хайдара (1800—1826) Хаким бек бию, правителю Карши: «Вы скажите Абдулле додхе (владельцу пограничных крепостей Шахрисябза. — О. Ч.). Слава богу, он дал государю нашему царство и 92 родам (узбеков) прибежище. Вот Сеид бий и Баба бий (владельцы из Хисора) пришли и обрели на краю одеяла (возле хана) для себя место. Они получили достойные их положения почести. Если вы перейдете (к хану) и крепости передадите брату, то... пусть и брат придет и получит милости по своему

²⁰ «Тухфай хони» (ркп. ИВ Уз.), л. 197.

²¹ Там же, л. 166 б.

²² «Странствование надворного советника Ефремова в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию». (В дальнейшем: «Странствование надворного советника Ефремова...»). СПб. 1794, стр. 41, 50—51.

²³ «Фатх-номаи султони» (ркп. ИВ Уз.), № 1838, л. 8 б.

положению. Крепости ваши Урта-Курган и Шамтан или продайте эмиру или обменяйте. Всякое желание ваше будет исполнено»²⁴.

Из «Записок Мирзы Шемса Бухари» и других источников известно, что эмир Хайдар и эмир Насрулло (1826—1860), так же как хивинские ханы Илтузар (1804—1806) и Мухаммад Рахим (1806—1825), назначали правителями областей и высшими чиновниками людей не родовитых, иногда даже бывших рабов²⁵.

Эти правители областей часто смещались ханами. Они обязаны были все налоговые поступления, за исключением части, расходуемой на содержание себя и войска, передавать в общегосударственную казну. По утверждению Н. Ханыкова, эти правители были полностью подчинены ханской власти и еженедельно отчитывались во всех своих действиях специальными донесениями²⁶.

В 30-х годах XIX в. в Бухаре, а вскоре затем в Коканде и Хиве была создана полурегулярная пехота из «сарбазов», вооруженных ружьями, одетых по образцу русских казаков и живших в казармах. Их обучали строю, стрельбе и маршировке. Имелась и артиллерия. Во внеучебное время сарбазы занимались промыслами и мелкой торговлей. Основой войск эмиров оставалась иррегулярная конница из нукеров, получавших от хана земельные поместья — «танхо».

Таким образом, имеется достаточно данных, чтобы констатировать процесс консолидации феодальных ханств Средней Азии, Бухары, Хивы и Коканда в конце XVIII—начале XIX века. Утверждение И. С. Брагинского, С. Раджабова и В. А. Ромодина, что в XIX в. феодальная раздробленность Средней Азии не уменьшилась по сравнению с XVIII в., не может быть принято. Борьба ханов за централизацию, пользовавшаяся поддержкой торгово-ремесленного населения городов, была явлением прогрессивным, что вовсе не противоречит определению классовой природы ханов как феодальных деспотов, жестоких угнетателей трудящихся.

После того, как внутри ханств были достигнуты некоторые успехи в преодолении раздробленности, между тремя ханствами начались ожесточенные войны за обладание в Средней Азии. Но так как ни одно из ханств не обладало силами для решительной победы, войны длились вплоть до 60-х годов XIX в. безрезультатно. Такие богатые области, как Ходжент, Ура-Тюбе, Мерв и Джизак, постоянно были ареной военных действий, что существенно подрывало их экономику. Борьба между ханами облегчала для царизма захват Средней Азии.

Переходя к вопросу о хозяйственном развитии Средней Азии, следует напомнить, что в первой половине XVIII в. ремесло, сельское хозяйство и торговля были подорваны вследствие частых набегов кочевников, иноземных вторжений и постоянных войн между феодалами. Многие районы древнего орошения и целые города были заброшены. Но с первыми успехами централизации ханств во второй половине XVIII в. начались восстановление и постройка новых ирригационных систем, значительное расширение орошаемых земель. Особенно заметно выросла в этот период ирригационная сеть Ферганы. Благодаря постройке в XVIII—XIX вв. новых крупных каналов (Шарихан-сай, Янги-арык Наманганский и др.) впервые были использованы воды крупных рек — Нарына и Кара-Дарьи, что послужило основой значительного подъема хозяйства в этой плодородной долине и свидетельствовало о серьезном прогрессе в технике ирригации.

В долине Зеравшана в 50-х годах XVIII в. была восстановлена плотина крупнейшего канала Даргом, расчищены и частью прорыты вновь арыки около Пянджикента, в Ширазском тумоне и от Кара-Дарьи и Ак-Дарьи ниже Самарканда²⁷.

В 60-х годах XVIII в. каракалпаки провели канал из Аму-Дарьи к селению Кенегес. В 70-х годах были построены плотины на протоках, впадавших в озеро Дайкара.

²⁴ В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 11.

²⁵ «О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари» (таджикский текст — стр. 30, русский перевод — стр. 32).

²⁶ Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб. 1843, стр. 179—181; В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина. «Записки Русского географического общества по отд. этнографии». Т. VI, СПб. 1880, стр. 83.

²⁷ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб. 1914, стр. 116. Л. И. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. «Записки Русского географического общества по отделению статистики». Т. IV. СПб. 1874, стр. 234—245.

В дельте Аму-Дарьи провели новые арыки и обработали дополнительные участки земли к западу от рукавов Чуманай и Чанглы-Басу²⁸. В 1831 г. из озера Лаудан провели арык для орошения Старого Ургенча. В 1846 г., когда вода из озера проникла в старое русло Аму-Дарьи, устроили здесь плотину и оросили землю к югу от Старого Ургенча. В 1847 г. каналы этой местности были расширены и удлинены. Водой вновь вырытого большого канала Ханабад оросили земли в районе Старого Везира, крепости Кандум-кала и урочища Уаз. В средней части Хивинского ханства были проведены арыки к северу от города Кят и орошено прежде пустынное место Шимамкент.

В 1822—1842 гг. был прорыт Хан-арык в Ташкентской области. В 1868—1871 гг. в Фергане прорыли магистральный канал Улугнар²⁹.

Вдоль вновь прорытых каналов оседали кочевники. Их переход к земледелию является важнейшим прогрессивным фактом.

Постройка новых каналов и поддержание ирригационных систем стоили народу больших трудов и лишений. Все работы производились вручную, кетменем. Землю переносили на спине. За работу на каналах крестьянам не выдавали ни пищи, ни платы. Головные и вододелительные сооружения, плотины из земли и хвороста были настолько несовершенны, что почти ежегодно их приходилось возводить заново. Вследствие технических недостатков сооружений происходила огромная потеря воды. Нередко в прорытые с великим трудом каналы вода не шла вследствие неправильного расчета, и, наоборот, в годы большой воды сооружения разрушались, наводнения смывались посевы и селения. Иногда ханы разрушали ирригационные системы или преграждали путь воде с целью покорения соседних областей. Хотя, учитывая все эти обстоятельства, не следует преувеличивать развитие ирригации в феодальной Средней Азии, все же приведенные факты свидетельствуют о том, что в конце XVIII — начале XIX в. здесь шел процесс развития, а не упадка. Это особенно ясно прослеживается на примере Ферганы.

Кроме того, некоторый прогресс наблюдался в это время в развитии городов, ремесла и торговли. В конце XVIII и начале XIX в. в связи с усилением централизации и развитием торговли, особенно торговли с Россией, в ханствах возникали новые города и возрождались старые. В середине XVIII в. наблюдался упадок и захирение таких старых феодальных центров, как Самарканд, Хива и др., но в то же время, и особенно позже, выросли многочисленные новые торгово-ремесленные города, а некоторые незначительные в прошлом городки превращались в крупные экономические центры. Так, Сайрам утратил свое значение, а около него вырос богатый город Чимкент; чрезвычайно выросло в этот период население и экономическое значение Ташкента; Коканд, Наманган, Маргелан, Андижан стали крупными городами³⁰. Карши превратился во второй после Бухары город Бухарского ханства, тогда как прежде главную роль в долине Кашка-Дарьи играл Шахрисабз.

В конце XVIII в. в Бухаре было девять двухэтажных караван-сараев и постоянно проживало много иностранных купцов³¹. В 1840 г. в Бухаре было уже 38 караван-сараев, 9 тимов (торговых пассажей), 16 городских бань, 45 базаров в городе и 22 в окрестностях³². Недалеко от Бухары, в городке Гиждуване, находился крупнейший в Средней Азии рынок скота³³. Данные о численности населения Самарканда крайне противоречивы. Так, в 1820 г. в Самарканде, по мнению Мейендорфа, было 50 тыс. жителей. Н. Ханыков в 1841 г. насчитывал 25—30 тыс., А. П. Федченко в 1869 г. — 30 тыс., а В. В. Радлов в 1868 г. — 10 тысяч³⁴. В то же время в 13 км от Самарканда, в селении Дагбид, вырос базар, по своим оборотам превосходивший

²⁸ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 98—102.

²⁹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 115—116.

³⁰ Там же, стр. 100—105; его же. К истории орошения Туркестана, стр. 96, 128—129.

³¹ Т. С. Бурнашев. Путешествие от сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году. «Сибирский вестник». Ч. 1. СПб. 1818, стр. 68, 73.

³² Н. Ханыков. Указ. соч., стр. 88, 90, 92—93.

³³ П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией. «Записки Русского географического общества». Кн. X. СПб. 1855, стр. 167—168.

³⁴ G. Meunier. Voyage d'Orenbourg à Boukhara. Paris. 1826, p. 160. А. П. Федченко. Топографический очерк Зеравшанской долины. «Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Т. VIII, вып. 1, М. 1870, стр. 29; В. В. Радлов. Указ. соч., стр. 39.

самаркандский³⁵. В самом же Самарканде в 1841 г. было только 2 каменных караван-сарая и 3 бани³⁶.

В городе Карши, по сведениям Борнса, насчитывалось 10 тыс., по сведениям Вамбери,— 25 тыс. жителей. С 1840 по 1870 г. он разросся далеко за пределы своих стен. Здесь находился важнейший рынок, обслуживавший жителей всей окружающей кочевой степи, и крупный транзитный пункт торговли с южными сопредельными странами. Текстильная ремесленная промышленность и табаководство были главными отраслями местных промыслов.

Шахрисабз и Китаб в 70-х годах тоже были торговыми городами с 18—20 тыс. жителей, многочисленными базарами и караван-сараями. Город Ширабад был торговым центром, где продавалось много скота, хлопка и других товаров. Сюда съезжались купцы из Балха и Бухарского ханства³⁷. В Катта-Кургане, особенно выросшем в XIX в., был огромный рынок, на котором торговали хлебом, фруктами и скотом³⁸.

Ташкент уже в начале XIX в. насчитывал до 3 тыс. домов и 15—20 тыс. населения³⁹. В 20-х годах XIX в., по сведениям Потанина, в Ташкенте было 2 тыс. домов с 10 тыс. только мужского населения, до 50 мечетей, 5 караван-сараев, огромный гостинный двор и 5 рынков⁴⁰. В 50-х годах, по сведениям В. В. Вельяминова-Зернова, в этом городе было уже 11 тыс. домов, 50 тыс. жителей, 310 мечетей, 15 караван-сараев, 11 бань. Главная улица была вымощена камнем⁴¹. В 1866 г. в Ташкенте было уже до 80 тыс. жителей⁴².

Что касается столицы Кокандского ханства, то хотя А. Вамбери и утверждает, что Коканд был в несколько раз больше Хивы, Бухары и Тегерана, едва ли этому можно верить, тем более, что сам Вамбери в Коканде не был⁴³. По показаниям Потанина, в 20-х годах XIX в. в Коканде было около 3 тыс. домов и 6 рынков⁴⁴. В 50-х годах В. В. Вельяминов-Зернов насчитывал в этом городе уже 8 тыс. домов, до 30 тыс. жителей, 9 караван-сараев и 6 бань.

Как писал в своих «Заметках» врач Бланкеннагель, побывавший в Хиве в 1793—1794 гг., этот город являлся в то время местопребыванием «ничего не значащего хана и всех знатнейших родов»⁴⁵. Но со времени Ильтузара и Мухаммад Рахима положение изменилось. В 1820 г. Хива насчитывала, по сведениям Н. Н. Муравьева, до 3 тыс. домов с 10 тыс. жителей. Однако Н. Н. Муравьев отметил, что город Янги Ургенч (Новый Ургенч) уже в то время был гораздо обширнее и многолюднее Хивы и являлся средоточием торговли всего Хивинского ханства⁴⁶. Большого развития достигли в Новом Ургенче шелководство и текстильное ремесло. По сведениям Г. И. Данилевского, в 40-х годах в Новом Ургенче была сосредоточена оптовая торговля. Иноземные купцы именно здесь закупали товары, так как на базар в Новом Ургенче свозились отовсюду хлопок, ткани, марена, халаты и др. и отсюда отправлялись караваны в Россию и Бухару⁴⁷. Города Хазарасп, Шахабад, Газават, Кунграт, Ходжейли, Куны Ургенч, Ташауз, Гурлен, Ханка и другие описываются путешественниками XIX в.

³⁵ А. П. Федченко. Указ. соч., стр. 28.

³⁶ Н. Ханыков. Указ. соч., стр. 101.

³⁷ А. Л. Кун. Очерки Шагрисебзского бекства. «Записки Русского географического общества по отделению этнографии». Т. 6. СПб. 1880, стр. 223—224; Н. А. Маев. Очерки Гиссарского края. Материалы для статистики Туркестанского края. «Ежегодник». Вып. V, СПб. 1879, стр. 154—155.

³⁸ В. Радлов. Указ. соч., стр. 45—49.

³⁹ G. Meupdorf. Указ. соч., стр. 115.

⁴⁰ «Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина (1830 г.)». «Вестник Русского географического общества». Ч. 18, СПб. 1856, стр. 285—286.

⁴¹ В. В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Коканском ханстве. «Вестник Русского географического общества». Ч. 18, стр. 111.

⁴² Д. И. Романовский. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб. 1868, стр. 281.

⁴³ А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. М. 1874, стр. 334—335.

⁴⁴ «Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина», стр. 281—282.

⁴⁵ «Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг.» с примечаниями В. В. Григорьева. «Вестник Русского географического общества». Ч. 22, СПб. 1858, стр. 94.

⁴⁶ Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. Ч. II. М. 1822, стр. 31—33.

⁴⁷ Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства. «Записки Русского географического общества». Кн. V, СПб. 1851, стр. 109.

так же, как торгово-ремесленные местные центры и рынки, на которых совершались крупные торговые сделки с кочевниками.

Наиболее широкое развитие в ханствах Средней Азии получило текстильное ремесло. В изучаемый период в ткани Бухары и Коканда одевалось население не только в этих ханствах, но и других частей Азии и России. Спрос на ткани вызвал значительное развитие городов с многочисленным ремесленным населением, работавшим главным образом на вывоз в кочевые районы Средней Азии, Казахстан, Сибирь, Поволжье.

В ханствах имело место широкое развитие хлопководства, шелководства и текстильных ремесел⁴⁸. Техника и организация производства были типично феодальными.

Многие ткачи, специализируясь на выработке одного — двух видов изделий, доходили до высокой степени совершенства. Среднеазиатские ткани в XVIII—XIX вв. славилась красотой и прочностью. Ремесленный люд страдал от эксплуатации со стороны феодалов. Работая с 3—4 часов утра до позднего вечера, с перерывом только на один час, ткач успевал на своем примитивном станке соткать лишь 4, редко 8 аршин ткани и при самом напряженном труде зарабатывал 10 копеек в день⁴⁹.

В противоположность текстильной промышленности горнодобывающие промыслы и металлообработка не получили в Средней Азии в изучаемый период нового развития. К этому имелись особые причины, но прежде, чем говорить о них, приведем свидетельства источников о состоянии этой отрасли в Бухаре и других ханствах. По свидетельству Н. Григорьева, относящемуся к середине XVIII в., «серебро в рупиях, медь, железо и чугун в деле и не в деле получают они (бухарцы.— О. Ч.) торгом, а именно серебро и не в деле медь из Персии..., железо и чугун из города Исарь (Хисор.— О. Ч.), состоящего из Бухарии ездой в шести днях; а из меди и железа посуду и всякие потребные домовые вещи, и недавно из чугуна и пушки и из железа ружья, турки и винтовки также и порох... делают уже у себя»⁵⁰.

В 1795 г. Т. С. Бурнашев записал, что «бухарцы сами льют из меди пушки и из чугуновой ломы пушечные ядра. Из выплавленного же ими свинца делают ружейные пули. Свинцовые руды находятся близ Бухары, которые плавят они в небольших горнах без всякого искусства и с большою потерей металла, так же и литье снарядов. Они сами делают и порох, но слабее российского»⁵¹.

По свидетельству Пospelова (1800 г.), «ташкентцы выплавливают чугун и делают посуду из него. Руду добывают в отрогах Алайского хребта и Каратау»⁵². Это подтверждается и позднейшими сведениями⁵³. Неглубокие шахты рыли по направлению наиболее богатых и мягких руд. Затем на ослах перевозили руду к источнику воды, где она подвергалась самому грубому обогащению. Далее выжигали древесный уголь и переплавляли руду с углем в глиняных горнах, нагнетая воздух ручными мехами. При этом неизбежна была громадная потеря металла.

Нефть в Кокандском ханстве добывали в мизерном количестве для лечения от чесотки и для смазки сапожных изделий⁵⁴. Золото добывалось в Каратегине и Фергане, свинец и серебро — в Ура-Тюбе, а также в районе города Бухары, в Шейхджелинских горах (Хорезм) и в долине реки Кугитанг-Дарьи. Месторождения железа кустарным способом разрабатывались в Каратау, в долине реки Чирчик, в Фергане — около Ляль-

⁴⁸ См «Описание пути из Оренбурга к Хиве и Бухарам с принадлежащими обстоятельствами бывшего при отправленном в 1753 г. из Оренбурга в те места купеческом караване самарского купца Данилы Рукавкина». «Новости литературы». Кн. 5, СПб. 1823, стр. 377; «Странствование надворного советника Ефремова...», стр. 36; Т. С. Бурнашев. Указ. соч., стр. 80; Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах. СПб. 1821, стр. 46, 62—75.

⁴⁹ В. В. Радлов. Указ. соч., стр. 43; А. Д. Гребенкин. Таджики. «Русский Туркестан», сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Вып. 2. М. 1872, стр. 31.

⁵⁰ Показания Н. Григорьева..., стр. 21—22.

⁵¹ Т. С. Бурнашев. Указ. соч., стр. 83.

⁵² «Поездка Пospelова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г.». (В дальнейшем: Поездка Пospelова и Бурнашева...) с примеч. Я. Ханькова. «Вестник Русского географического общества». Ч. 1, кн. 1. СПб. 1851, стр. 26.

⁵³ А. С. Татаринов. О минеральных богатствах Туркестанского края. «Русский Туркестан». Вып. 2, М. 1872, стр. 159.

⁵⁴ И. И. Краузе. О нефтяных источниках в Кокандском ханстве. «Русский Туркестан». Вып. 2, М. 1872, стр. 179.

кана, в Хисоре и Бойсуне. Медь в небольших количествах добывали в Каратау, в Ангрене и в горах Шейхджели. Добыча селитры, нужной для изготовления пороха, велась во многих местах и в более широких масштабах, особенно в юго-западной части Каршинского вилайета, в Куны Ургенче, Джумабазаре, Ура-Тюбе и Чиназе⁵⁵. Добывали также соль, нашатырь, квасцы и купорос. По преданию, первую пушку в Ташкенте отлили в 1780 г. из отобранной у населения медной посуды⁵⁶. Поспелов утверждает, что в дальнейшем ташкентцы отливали пушки из меди, ввезенной из России⁵⁷. В XIX в. литье чугуна и меди существовало в Шахрисябзе, Катта-Кургане и других городах, но все это были мелкие кустарные мастерские, делавшие посуду из чугунного лома и удовлетворявшие далеко не полностью потребность населения.

При таких малых размерах производства и низкой технике добытый металл обходился дороже, чем привезенный из России. Поэтому в течение XIX в. добывающая промышленность Средней Азии не развивалась, а, наоборот, угасала. Поддерживалась только добыча свинца для приготовления пуль и селитры для производства пороха. Добыча железа и меди в XIX в. почти полностью прекратилась⁵⁸.

В некоторых крупных селах, например, в Ургуте, почти все жители специализировались на выработке одного традиционного вида изделий (в данном случае — алачи). Ургенч славился шелком и полушерстяными чапанами (род верхней одежды), Хазарасп — ружьями, Чуст и Хисар — клинками, Наманган и Бухара — шелковыми, полушелковыми и хлопчатобумажными тканями более высокого качества, чем в Хиве и Ташкенте.

Среднеазиатское ремесло вплоть до присоединения страны к России было тесно связано с торговлей: чаще всего ремесленник сам продавал свой товар. Только внешне-торговые операции были сосредоточены в руках класса купцов.

В конце XVIII и начале XIX в. в связи с присоединением Казахстана к России и начавшейся некоторой консолидацией трех узбекских ханств внешняя и внутренняя торговля заметно усилилась. По сведениям таможен, собранным в книге П. И. Небольсина, за десятилетие, 1840—1850 гг., только через Оренбургскую линию было вывезено из России в среднеазиатские ханства около 40 тыс. пуд. меди, свыше 400 тыс. пуд. железа, 75 тыс. пуд. чугуна, 25 тыс. пуд. стали и на полтора миллиона рублей золота и серебра в монете (не считая контрабанды)⁵⁹.

Вообще торговля с Россией имела большое значение для Средней Азии уже начиная с XVI века. До присоединения Средней Азии к России эта торговля была активной: вывоз из узбекских ханств превышал ввоз из России. С 1827 по 1837 г. из Средней Азии в Россию было вывезено товаров на сумму около 7 млн. руб., а ввезено из России в среднеазиатские ханства только на четыре с половиной миллиона. За следующее десятилетие, с 1837 по 1847 г., привоз из Средней Азии в Россию выражался в сумме около 9 млн., а из России — до 5 млн. рублей. Основными предметами вывоза были хлопок-сырец, хлопчатобумажная пряжа, ткани, шелк, краски, каракуль и фрукты. По мере развития фабричной текстильной промышленности в России спрос на хлопок-сырец увеличивался. Фабричные ситцы проникали в Среднюю Азию, но не только среднеазиатские народы, но даже и многие жители восточных районов России в середине XIX в. предпочитали одежду из бязи, алачи и выбойки, сотканной среднеазиатскими ремесленниками. По неполным данным таможен Оренбургской линии, за 10 лет, с 1840 по 1850 г., из Средней Азии прибыло в Россию хлопчатобумажных тканей и изделий из них более чем на 4 млн. руб. серебром, тогда как русских фабричных хлопчатобумажных материй из России в Среднюю Азию за это же время было вывезено только на полтора миллиона. Кроме того, большое количество бухарских и кокандских тканей, а также готовой одежды вывозилось среднеазиатскими купцами в степи Казахстана, в Сибирь и Поволжье, минуя таможенный учет. На развитие товарооборота отрицательно влияло наличие таможенных границ между отдельными областями и

⁵⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Коканском ханстве, стр. 123—124; Показания Н. Григорьева..., стр. 21; Т. С. Бурнашев. Указ соч., стр. 83; Поездка Поспелова и Бурнашева..., стр. 26, 34, 36. Сводку см. М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.

⁵⁶ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 105.

⁵⁷ Поездка Поспелова и Бурнашева..., стр. 36.

⁵⁸ В. В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Коканском ханстве, стр. 124.

⁵⁹ П. И. Небольсин. Указ. соч., стр. 193—210.

феодальными владениями Средней Азии; с купцов брались повторные пошлины в размере 2—10% стоимости товара. Кроме того, купцы должны были дорого платить за место в тиме или торговом ряду, уплачивать высокие налоги.

Как и в древние времена, торговля с кочевниками в XVIII—XIX вв. была в значительной мере меновой. В городах, в особенности в столицах ханств, торговля была денежная. Чеканка денег была прерогативой независимых владельцев почти во всех крупных городах Средней Азии (Бухаре, Хиве, Самарканде, Коканде, Ташкенте, Хисаре, Шахрисябзе, Карши и др.).

По мере консолидации трех ханств чеканка монеты сосредоточивалась в их столицах. Чеканились золотые тиллы, серебряные танги и медные пули. Стоимость и курс денег различались не только между тремя ханствами, но и между разными областями одного и того же ханства, что указывает на отсутствие экономической консолидации и единого рынка. В ханствах происходил процесс образования мелких областных рынков, но слияние всех их в единый национальный рынок до присоединения Средней Азии к России еще не начиналось.

Большинство налогов с населения взималось натурой. Небольшую часть налогов стали взимать деньгами в начале XIX века.

Рост городов и товарного производства в XIX в. не привел к созданию основных предпосылок, необходимых для возникновения капитализма. Это было товарное производство чисто феодального типа.

Феодальный общественный строй среднеазиатских ханств был настолько отсталым, что в нем вплоть до присоединения к России еще не наблюдалось признаков разложения, связанного с вызреванием новых, капиталистических производственных отношений. Даже в первые годы после присоединения к России своеобразные формы крепостничества препятствовали созданию капиталистических предприятий. Большинство фабрик, основанных в Туркестане русскими капиталистами в 70-х годах XIX в., было вскоре ликвидировано с большими убытками.

Ведение сельского хозяйства капиталистическими методами тоже оказалось невозможным⁶⁰. Предприниматели, пытавшиеся создать в это время крупные капиталистические фермы, до 400 десятин, вынуждены были вскоре раздавать земли мелкими участками в аренду и субаренду из доли урожая, подчинившись, таким образом, господствовавшим в стране феодальным общественно-экономическим условиям.

Не свободный, а кабальный труд применялся и в ремесле.

Приведенные нами факты свидетельствуют об отсутствии в Средней Азии в середине XIX в. основных условий, необходимых для возникновения капиталистического способа производства. До присоединения ханств к России здесь господствовал феодальный строй. В экономической жизни известную роль играл купеческий и ростовщический капитал.

Частичное преодоление феодальной раздробленности, которое, несомненно, было достигнуто в конце XVIII и начале XIX в., сделало возможным восстановление ирригации и расширение площади обрабатываемых земель, рост торговли, ремесла и городов, усиление процесса оседания кочевников. Однако упорная и кровопролитная борьба за создание централизованных монархий не привела в дальнейшем к успеху. В середине XIX в. наметилось некоторое равновесие сил между тремя ханствами. Они истощали свои ресурсы в бесплодных войнах, которые губительно влияли на экономику ханств и положение трудящихся не только в смысле прямого разрушения производительных сил во время военных действий, но и потому, что, разделенные между несколькими враждующими государствами, народы Средней Азии не могли осуществить реальных мер для подъема своей экономики. При наличии феодальной раздробленности не могло быть и речи о системе протекционизма, без которой в условиях запоздалого развития они не могли противостоять все усиливавшейся иностранной конкуренции, не могли противостоять усиливавшемуся нажиму со стороны Англии и царской России и неизбежно должны были очутиться в положении экономически несамостоятельных стран, то есть колоний.

⁶⁰ В. М. С а з о н о в. К проекту орошения Закаспийской области. СПб. 1912 стр. 58—59.